

Старичка В.А.

ЧУЖЕСТИРАНИКА

16+

Вероника Старицкая
Чужестранка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Старицкая В. А.

Чужестранка / В. А. Старицкая — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04799-0

В день моей свадьбы я поймала своего благоверного за изменой. От стыда и боли мне хотелось умереть на месте, но не из такой я породы. Его вещи феерично летели из окна десятого этажа, замки в квартире были сменены, а на возвращенные с тура в Египет деньги я купила билет на поезд. А дальше все стало в разы сложнее... Каково это - узнать, что являешься не просто наследницей скромного домика в таежной глуши, а куда более опасного дара предков, а именно магии, что в принципе неплохо. Но я не учла главного, а именно охотников, отлавливающих ведьм для продажи на невольничьем рынке в другом измерении.

ISBN 978-5-532-04799-0

© Старицкая В. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	15
5	19
6	24
7	27
8	30
9	32
10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вероника Старицкая

Чужестранка

1

Мир живет в своем ритме, вечно живет, вечно меняется. Но бывают моменты, когда хочется от всего этого скрыться, это случилось и со мной. В день моей свадьбы я поймала своего благоверного за изменой... От стыда и боли мне хотелось умереть на месте, но не из такой я породы. Его вещи феерично летели из окна десятого этажа, замки в квартире сменены, а на возвращенные с тура в Египет деньги я купила билет в старый и уютный домик моей прабабушки, в котором я не была больше десяти лет.

Сев в пустое купе, я наконец смогла немного успокоиться. Наконец-то этот ад закончился. Огни Москвы были все дальше, возвращая покой в мою душу. Ничто не заставляет анализировать свою жизнь так, как четырехдневный монотонный звук едущего поезда. Временами на меня накатывала депрессия из-за случившегося, но бутылка шампанского как-то разбавляла мою меланхолию, как и пара попутчиц, которых я встретила в дороге.

Разговор всегда был один и тот же, мужчины, проходящие мимо, невольно улыбались, слыша наши нетрезвые тосты в стиле «Все мужики – сволочи», были и те, кто хотел возразить. Так я познакомилась с Павлом из восьмого купе, который ярко отстаивал мужчин до последнего, пока не услышал всю историю от начала и до конца.

Мои попутчицы благополучно сошли на одной из станций, а пить в одиночку я не хотела, решив найти себе компанию. Дойдя до восьмого купе, я несколько раз постучала в запертую дверь.

– Можно? – спросила я. Было довольно-таки поздно, но через несколько минут дверь все же открылась. Павел тоже путешествовал в одиночестве.

– Хочешь выпить? – спросила я его с порога, не заметив, что на нем, кроме боксеров, ничего нет.

Тут поезд ощутимо дернуло, и я буквально навалилась на мужчину, едва не упав на пол. Павел умело меня перехватил, отобрав бутылку гнусного пойла, которое в вагоне-ресторане именовали гордо вином, и усадил напротив себя, накидывая поверх голого торса майку.

– Это дерьмо я пить не буду, да и тебе не советую, – сказал Павел, отставляя «вино» в сторону, доставая бутылку хорошего коньяка, которая лежала в его спортивной сумке.

– Итак, по какому поводу пьем? Не просто так же ты третьи сутки бухаешь, не просыхая, что стряслось-то? С парнем поссорилась? – спросил Павел, доставая бутылочку колы. Он явно и сам собирался пригубить во время поездки, но так и не решился.

Он аккуратно разлил коньяк по стаканам, беспощадно разбавив его колой, чтобы больше меня не спаивать. Не знаю почему, возможно, со мной сыграл злую шутку алкоголь, а может, тот факт, что больше мы никогда не встретимся, но я все же решила высказаться:

– Нет... с мужем... точнее, уже бывшим... или не... а, неважно, – произнесла я заплетаящимся языком. Хоть и разбавленный, коньяк умел хорошо бить в голову.

– Неужто изменил тебе?.. Не понимаю. Фигура у тебя отпад, да и вообще... Может, какая из завистниц тебе лапши навешала, а ты ополчилась на мужика... – произнес Павел, осушивший второй стакан, в котором коньяка было в разы больше, чем колы.

– Снова эта ваша хваленая солидарность. Да я его с поличным на этой швабре Людке застала, да еще и в день нашей свадьбы!! Вокруг друзья, родные... А она на нем гарцует... – вспылила я, осушив стакан залпом, после чего взяла со стола вино и побрела в сторону своего купе. Ближе к полуночи в купе постучали.

– Да будет тебе, не обижайся. Я не хотел обидеть. Просто не мог поверить, что такое возможно. Да и чтобы так... Всё-таки ты права... Все мужики – козлы и не умеют ценить тех, кто рядом. – Эти слова захмелевшего Павла впервые за долгое время заставили меня улыбнуться. Мы просидели практически до утра.

Я проснулась лишь под вечер – меня разбудила проводница. Женщина несколько улыбнулась, лукаво подмигнув.

– Марьино через десять минут, – прошептала женщина, все так же улыбаясь. Осмотревшись, я поняла, что нахожусь не в своем купе, а мне в спину кто-то дышит. Аккуратно выбравшись из-под простыни, я увидела небезызвестного Павла, который мирно посапывал.

«Боже, сколько можно было вчера выпить?» – простионала я в собственных мыслях, начав экстренно одеваться.

Больше всего меня беспокоили куда-то запропастившиеся кружевные трусики, которые были на мне вчера, но искать их времени не было. Вернувшись в свое купе, я обнаружила его в идеальном состоянии, как и оставленные вещи, что несказанно радовало. Собрав вещи, я направилась в сторону выхода, задержавшись возле восьмого вагона. Павел все еще спал.

«Может, оставить свой номер?» – подумала я, как тут же сама задушила этот порыв в зародыше.

– У него своя жизнь у меня – своя. Мы были пьяны. И вообще, не помню – значит, не было, – решила я и поспешила к выходу, поскольку остановка на этой станции была всего три минуты.

– Женщина... вы не знаете, куда пропала девушка из четвертого вагона? – ближе к обеду следующего дня спохватился проснувшийся Павел, начав расспрашивать проводницу.

– Так она сошла на прошлой станции, – ответила женщина, отправляясь дальше разносить чай. Павел до самого приезда боролся с желанием вернуться к той незнакомке из четвертого купе, но он не мог. Сохранив на память ту самую недопитую бутылку коньяка.

2

Выйдя на станции, я в смешанных чувствах побрела по полусонному поселку в сторону автостанции, чтобы сесть на автобус до поселка Степное, где жила моя бабушка Аня, которая умерла за год до всего этого кошмара. Только там я чувствовала себя в безопасности, вдали от всех и всех этих проблем. Насчет денег я не сильно переживала, так как перед отъездом сдала свою квартиру на полгода за весьма хорошую сумму, которой с лихвой хватит на пару лет в лесной глуши.

Выйдя к автостанции, я увидела довольно забавную картину: на широкой дороге какой-то мужик пас гусей, а над ним неоновой вывеской переливалась надпись «Магнит» – магазин находился в старом здании дворца пионеров.

– Даже сюда добрались, – с улыбкой произнесла я, сделав фотографию на смартфон, выкладывая ее в «Инстаграм». Как только обновилась страница, появился первый комментарий. Я знала, от кого он, и уже начала жалеть о том, что вовсе не удалила свою старую страницу.

«Зая, хватит дуться. Нам нужно встретиться. Да, я был не прав... Ты не так все поняла...» Когда я прочитала первые строки его комментария, меня чуть не вывернуло.

«Вот же двуличная тварь!» – подумала я. Передо мной стояла дилемма – отвечать или нет, и я все же решилась.

«Как то, что ты трахал Людку в день нашей свадьбы, можно по-другому понять?! Между нами все кончено! Можешь даже не пытаться вернуться в мою квартиру – я ее сдала и поменяла замки», – написала я, на моих глазах вновь появились слезы.

– Будь он проклят! Он и его шалава! Я не буду больше лить слезы из-за этого мелочного куска дерьма, – сказала я, крепко сжимая смартфон, как тут я услышала хруст.

– Черт! Только этого не хватало, – сказала я, смотря на трещину, которая шла поперек экрана, понимая, что на качественную его замену на ближайшие двести километров рассчитывать не придется.

Закинув телефон в карман, я вставила наушники и вошла в здание автовокзала, хотя назвать его таковым язык не поворачивался. В единственной кассе сидела сердобольная женщина, которая не выпускала сигарету изо рта, разговаривая по стационарному телефону.

– Можно, пожалуйста, один билет до Степного? – произнесла я, пытаясь привлечь внимание кассира, однако женщина меня не замечала, до тех пор пока я не сбросила ее вызов.

– Эй, ненормальная! Ты что творишь?! – вспыхнула женщина, напоминая, что она тут главная.

– Билет до Степного... один... пожалуйста – с нажимом произнесла я. Не знаю почему, но мой взгляд заставил хабалку шевелиться, и через минуту требуемый билет был у меня в руках.

– С вас 150 рублей, – сказала женщина немного мягче. Я выложила затребованную сумму на кассу и пошла в сторону выхода, так как автобусы останавливались на скромном закутке перед зданием автовокзала.

До отправления было три часа, поэтому, когда я вспомнила о вездесущем «Магните», мой желудок предательски заурчал, напоминая, что я почти неделю нормально не ела, не говоря о том, что из деревенского домика моей покойной бабушки, скорее всего, уже вынесли все, что только было можно.

Поэтому я решила устроить себе грандиозный по меркам местного села шопинг, купив большую часть ассортимента местных лавок. Я заметила пожилую женщину, продающую пуховые платки и другие изделия из шерсти. Я бы прошла мимо, но мое сердце дрогнуло. Женщина явно еле сводила концы с концами и не ела несколько дней, но она была слишком горда для того, чтобы просить милостыню, зарабатывая на жизнь продажей вязаных вещей.

– Почем платки, хозяйка? – спросила я радушно. Старушка подняла свои чугунные веки. От увиденного меня передернуло – на меня смотрели белые глаза, старушка была абсолютно слепой.

– Это ты, Марфуша? Как жизнь? Как твоя внученька? Все же ушла от этого проходимца? А я говорила... – Слова старушки повергли меня в шок. Пожилая женщина протянула ко мне свою руку.

– Ой, прости, дорогая, обозналась я на старости лет. Приняла тебя за свою куму со станции. За платком пришла, милая? Выбирай, какой приглянулся. 400 рублёв. Дорого – я скину, выбирай, – причитала старушка, стараясь хоть что-то продать. Из моих глаз брызнули слезы при упоминании имени моей бабушки. Мне стало довольно грустно, я до сих пор корила себя за то, что так редко проводывала ее.

Я выбрала белый платок с затейливым узором, рассчитываясь со старушкой, я незаметно для окружающих заменила сотки на пятитысячные купюры. Женщина тут же положила деньги в нагрудный кармашек. Когда я уходила, она меня окликнула:

– Удачной дороги, и куда бы тебя ни занесла судьба, храни тебя Бог! – крикнула мне вслед старушка. Я с благодарностью приняла добрые пожелания женщины, хотя сама была закоренелым атеистом, что нередко было причиной громких скандалов с моей бабушкой.

Вдалеке появился знакомый автобус, и, отвлекшись от муторных мыслей, я поспешила к прибывшему транспорту-«буханке», спеша занять свободное место, так как вещей я и вправду накупила много.

– О... Степное... А я думал, что там уже никто не живет. Ну что же, вместе поедem, так сказать, до конечной, – с улыбкой сказал водитель, доставая сигарету, ища по карманам зажигалку.

– А чего там? Место вроде неплохое, да и озеро близко, не то что с Тюника или Гнилушек по болотам скакать, а тут метров сто – и на месте, благодать, – произнесла я, доставая свою зажигалку. Мужчина благодарно кивнул, закуривая.

– Так-то оно так, только, сама же знаешь, село, а молодежи-то что? Им город подавай, вот и разъехались все. А кто там остался, на своих машинах ездют. Да и лес в последнее время беспокойный, мужики говорили – волки повадились, так что ты аккуратнее. Днем в деревню они не сунутся, а вот ночью... Бесовщина страшная творится, сам не раз видел, так что на конечной станции путевку подписываю – и домой, в Привольную, без остановок. Ну, это на случай, если обратно решишь поехать, – произнес водитель. Я уверенно кивнула, хотя некий холодок по спине все равно прошелся.

Автобус вскоре начал быстро заполняться людьми. Пара склочных баб возмущалась, что мои вещи лежали возле заднего прохода. Ситуацию спас водитель:

– А ну-ка ша! Кто там мою племяшку решил обижать, не Валька ли с Тamarой? – прикрикнул мужчина, и женщины тут же поспешили занять свои места. Автобус медленно поплелся по раздолбанной дороге. Люди заходили и выходили, пока я меланхолично смотрела на меняющийся пейзаж за окном под сменяющиеся треки в плей-листе, и вот телефон окончательно «сдох», и я услышала голос водителя:

– Чё там сидишь, как душа неприкаянная? Скоро Степное. – Оглядевшись, я замерла – никого из пассажиров уже не было, мы были одни в салоне.

– Прикорнула на наших ухабах, ничего, бывает, – успокоил меня водитель, который так и не представился.

Я перенесла вещи на переднюю площадку и села рядом с мужчиной.

– Ой, посмотри, что творят, скоты, – выругался мужчина, начав громко сигналить.

Всмотревшись во тьму, я заметила волков. Внешний вид животных несколько пугал и вместе с тем завораживал. Услышав сигнал, животные разбежались, бросив на дороге останки какой-то птицы.

– Знаешь, давай я тебя все же до дома подвезу, не дай бог эти черти на тебя нападут. А так мне будет спокойнее. Но не привыкай, лучше утренним рейсом едь или кого из домашних попроси, чтобы встречали, – дал напутствие мужчина. Я кивнула, не желая говорить, что домашних-то и не осталось.

Моя мать умерла при родах, а достопочтенный отец не утруждал себя своим присутствием в моей жизни, регулярно высылая мне деньги на содержание. Он же подарил мне и квартиру в центре Москвы. Кроме его поверенного, которого я в итоге начала звать просто дядя Амзор.

Я до сих пор не знала даже имени родного отца, в графе «отчество» у меня стоял прочерк. На это дядя Амзор говорил, что мой отец занимает весьма высокую должность, по которой ему нельзя иметь детей и семью, чтобы у плохих людей не было на него рычагов давления. В детстве я считала, что мой отец или спецгент, или президент, а повзрослев, я пришла к мысли, что мой отец, скорее всего, бандит, так как дядя Амзор довольно часто прибегал к блатной фене.

– Улица Заречная, дом 7, – произнесла я. В это время автобус ощутимо трянуло, а водитель заметно занервничал.

– Так это же дом ведьмы... Зачем тебе туда? Это проклятое место, – прошептал мужик дрожащим голосом.

– Так это мой дом, точнее, бабушки моей покойной, по наследству достался, решила проведать. А то, что это дом ведьмы, брехня. Бабка моя всегда посты соблюдала и на службу ходила, сколько себя помню. – Мужчина несколько успокоился.

– Ты прости меня, все эти рассказы... Я не знал, – произнес мужчина виновато.

– Да я и не обижаюсь. Знал бы ты, сколько этого дерьма еще в детстве натерпелась. Ведьма, ведьма... Мальчуганы и забор ломали, и камнями кидали, а однажды чуть хату не подожгли. Она ведь одна совсем была, меня на ноги поставила, отца моего непутевого заставила алименты платить. Если бы не она, я бы никогда из этой деревни не выбралась, – с грустью произнесла я. Мужчина уверенно повернул с центральной улицы в сторону Заречной.

– Ну и правильно. Кто бы что ни говорил, она у тебя святая и пробивная была, другая бы руки опустила, – сказал водитель, притормаживая возле покосившегося забора. Все вокруг уже давно поросло. Я вышла из автобуса, как вдруг водитель схватил в охапку мои сумки, идя в сторону забора.

– Я же сказал, что провожу, – с улыбкой сказал мужчина, которому было жутко на пустой улице, но страх за молодую девушку пробудил в нем невиданный героизм.

Замок не поддавался, но через пять минут и десять весьма нелестных матов замок сдался, впусив нас в дом. Дальше было проще, запертые ставни были нетронутыми, как и вещи внутри дома, что радовало.

– Хоть какие-то плюсы от того, что бабушку считали ведьмой, – произнесла я, слабо улыбнувшись.

Однако отсутствие света меня отнюдь не обрадовало. Тогда водитель, вернувшись с фонариком, полез в кладовку, где был щиток.

– А, так тут просто пробки выбило, сейчас мы это поправим... И раз... два... три... включай, – бурчал мужчина, отдавая распоряжения. Через несколько минут в комнате засияла лампочка Ильича, а в кухне заурчал старенький холодильник.

– Ох, не знаю, что бы я без вас делала, – произнесла я, пожимая руку мужчины, пытаюсь вручить ему деньги за хлопоты, но он отказался, спеша убраться из дома куда подальше.

– Детские страхи, как говорится, вещь страшная, – вынесла я вердикт, перенося в дом свои пожитки, попутно наводя порядок. Уснула я лишь к утру из-за постоянного завывания за окном.

– Как там было?... Так и быть, на новом месте приснись, жених, невесте... – произнесла я и мгновенно уснула.

Сон был приятный, к моему удивлению, мне снился мой недавний попутчик Павел. Только он выглядел несколько странно: в синей мантии, с мечом наперевес. Просто принц из сказки...

– А тебя сюда как занесло? Эй, малахольная... Ты чьих будешь?! – Эта фраза не могла принадлежать тому прекрасному рыцарю из сна, заставив меня буквально подскочить с кровати.

– Эй... А ты, черт возьми, кто?! Как ты вообще сюда зашел?! – проорала все еще сонная я.

– Я местный участковый, а вот вы, гражданочка, кто? – спросил мужчина, подбоченившись.

– Ведьма без пальто, – фыркнула я. Мои слова вызвали улыбку на лице служителя закона, поскольку уборка отняла последние силы.

– Анька! Ты?! Сколько лет, сколько зим! Богатой будешь. Не узнаешь меня?.. Это же я... Митька Сыроватов! – сказал мужчина, широко улыбнувшись.

О-о-о-о, это имя значило для меня слишком много. Помните об издевательствах надо мной в детстве?.. Так вот, Митька был их инициатором.

– Не бывать тебе богатым... Чего приперся? – уже было начала я, как мужчина вскинул руки.

– Сдаюсь... Знаю, виноват по всем пунктам, прошу прощения. Но я здесь по работе: три месяца назад в хату вашу пара пьянчуг залезла, протокол составили, а подписать протокол и вещи забрать некому было. Забери, а?.. А то не по себе от побрякушек этих. Или, хочешь, я тебе все привезу вечером? Заодно поболтаем. – Делать было все равно нечего, поэтому я согласилась.

3

Весь день я убирала на улице, после чего плюнула на сорняки и, заплатив соседскому мальчишке, спокойно принялась готовиться к ужину, разбирая принесенные продукты.

– Так-с... вафли... бурбон. Нет, бурбон жалко. Водка, уже лучше... Но все равно нет. Если хочет выпить, пусть приносит свое, – сказала я. Когда посмотрела на упаковку риса и разморозившуюся за ночь курицу, решение пришло само.

– Именем «плов» я тебя нарекаю, – произнесла я с улыбкой, начав творить угощение, и лишь к обеду я пришла к выводу, что прогуляться все же придется, так как ни чая, ни сахара, ни тем более кофе я так и не купила, не говоря про остальные продукты. Ведь в «Магните» я сделала упор на бытовой химии, которой в местном сельпо отродясь не было.

Пройдя за день практически полкилометра, я как раз успела к визиту гостей – именно гостей, поскольку Митяй пришел не один, с ним была юркая конопатая малышка с огромными васильковыми глазами.

– Знакомься, это Васька, моя дочка, – с порога представил он мне девочку.

Девочка была словно солнышко, однако некоторые особенности бросались в глаза: ребенок не говорил, теребя кролика, у которого был зашит рот. Я невольно трянула головой от жуткой картины, и видение тут же исчезло.

– Чего же на пороге стоите, коль с добром пришли, входите, – произнесла я зазубренную фразу, и гости вошли в дом, но игрушка ребенка до сих пор тревожила меня, от нее веяло непонятным могильным холодом.

Митя принес бутылку домашнего вина, которым их семья всегда славилась.

– А разве можно? – с усмешкой произнесла я, пока Митя снимал фуражку.

– Так это же для себя, а не для продажи, – стушевался мужчина, но, заметив мою улыбку, тут же успокоился.

Когда я усадила гостей за стол, мы начали разговаривать обо всем на свете, так продолжалось до глубокой ночи. Девочка откровенно скучала и вскоре уснула в гостевой, хотя раньше это была моя спальня.

– Что с ней стряслось? – как бы невзначай произнесла я, моя посуда на кухне, пока Митяй натирал тарелки.

– Не знаю, помню, как твоя бабушка велела дочь от себя ни на шаг не пускать, и чтобы после смерти жены 40 дней ничего из рук чужаков не брала. Я тогда еще решил, что с ума старая уже сошла, уж прости, Аня, я тогда жену похоронил, ребенок на руках... работы нет. Сильно пил, в общем, – сбивчиво произнес он, невольно уронив тарелку, которая разлетелась на осколки.

– Всякое бывает. Скажи, а игрушку эту она откуда взяла? – спросила я, вызвав на лице мужчины удивление.

– Вроде... она всегда при ней была, – произнес мужчина, которого пробило на нервную дрожь. После того как он вспомнил, как именно называл девушку в детстве, слова её покойной бабки не выходили из его головы. Сколько он ни пытался, он не мог вспомнить, кто именно подарил его дочери этого плюшевого кролика.

– Слушай, ты говорил, из дома вещи украли, а что случилось-то? Да и где они? Обещал вернуть, – наконец спросила я, решив сменить тему. Этот вопрос вывел Михея из ступора.

– Дык я сейчас. – Через минуту в комнате появился черный как смоль ящик, напоминающий дипломат с документами. Открыв его, я увидела лишь пару ножей, ножницы, нитки да иголки, а еще перстень и подвеску, которую бабушка надевала на меня, когда я выходила из дома.

– Как видишь, негусто, сам не понимаю, чего они с повинной в участок пошли, – произнес Митяй, я лишь покачала плечами, надевая на шею кулон бабушки.

Как вдруг мое тело словно пронзило иголками, я видела черные сгустки, выползающие из комнаты, где спал ребёнок. Отворив дверь, я увидела мирно спящего ребенка в компании какой-то твари, которая словно комар высасывала из ребенка жизнь. От увиденного мне стало дурно, и видение ушло.

– Митя, уже поздно, вам, наверное, пора, – произнесла я. Мужчина понимающе кивнул, беря ребенка на руки. Уже дойдя до своего дома, он вспомнил про забытую игрушку, но оставить на ночь дочь без присмотра он боялся.

Зайдя домой, я почувствовала холод в детской, там был тот самый кролик. От этой игрушки волосы становились дыбом, я вновь увидела зашитый рот. Меня переполняли смешанные чувства. В какую комнату я бы ни заходила, я видела эту проклятую игрушку. Не выдержав, я схватила в руки ножницы с черными от времени лезвиями, а может, они такими и должны были быть, и начала распарывать рот плюшевого монстра, ведь я видела его совсем иным.

Закончив с этим, я поспешила избавиться от этой вещи, радикально, раз и навсегда. Выйдя из дома, я начала разводиться костер из сушняка. Вскоре поленья начали дарить нежное тепло и свет. Как вдруг меня отвлек вой волков, вызвав в душе страх. Я потянулась к проклятой игрушке, пугающей до нервной дорожи, но ее не оказалось на месте.

Вой повторился, я судорожно искала плюшевую игрушку, как вдруг на меня накинута мерзкая тварь. Она шипела на меня, поливая проклятиями. Я судорожно звала на помощь, как вдруг мощные зубы перекусили шею твари. Это был величественный кот, он закинул тушу в пламя, которое стало зеленым.

– Черная магия, иного я и не ожидал. Дети очень уязвимы, вот к ним всякая нечисть и тянется. Пускай этот дурень ребенка покрестит, иначе замучаемся шмолей и порчу с ребенка сводить, – услышала я странный голос. Я часто слышала его в детстве, но чей он, я так и не могла вспомнить, как вдруг передо мной появился мой старый знакомый детства.

– Белый! Пойдем скорее в дом, я тебя накормлю сметанкой, небось, тяжело пришлось, пока хозяйки не было, – начала было я, понимая, что, скорее всего, это просто похожий кот, ведь тому коту должно было быть больше тридцати лет, а кошки, к сожалению, столько не живут.

– А фамильяры живут, и я не Белый, меня Тимофеем звать, – произнес кот и побрел в сторону дома. Я неловко замерла.

– Все... Поздравляю, Анечка... К тебе пришла белочка. Так-с, где мой бурбон? – произнесла я, заходя в дом, уверенно идя в сторону холодильника, где хранилась заветная емкость с пятилетним бурбоном.

– Ну и горазда ты пить... Постыдилась бы, девушка все-таки, – начал увещевать меня кот, чем укрепил желание напиток.

– Из стен тянутся руки, не пугайся – это глюки, – произнесла я, укладываясь спать.

– О, Марфа, Марфа... Говорил же тебе: обучай ее с детства, а ты... эх... Она зеленая совсем... Без тебя нечисть в здешних краях вконец распоясалась, не дай бог ее ищейки учуют. – От этой перспективы шерсть на загривке кота встала дыбом. Встав возле печки, Тимофей начал зачитывать защитное заклинание, прятанное от нечисти.

На этот раз сон был беспокойным, мне снилось, как ночью бабушка оставила меня одну дома, и я, начитавшись ее книжек и слушая наставления подружек из школы, решила вместе с ними призвать Пиковую даму. В моей комнате стояло огромное зеркало, на котором мы начали обряд.

Исходя из легенды нужно знать, что сама Пиковая дама находится в царстве мёртвых. Если её потревожить и призвать, не следует надеяться, что она явится к вам в отличном настроении. Пиковая дама может сыграть с вами злую шутку и принести ощутимый вред, но если вызов не будет иметь под собой корыстных целей злого характера и вы будете настроены дружелюбно, Пиковая дама, скорее всего, вас просто напугает, а может и совсем не показаться на глаза.

На это надеялись и мы, но все пошло иначе. Мы не знали, что эта Дама – весьма обидчивая и мстительная особа. Ведь если вызывать Даму пик с усмешкой, не веря в неё или в её способности, либо будете настроены враждебно, не ждите ничего хорошего от ритуала. Если её сильно разозлить, она может забрать душу и оставить вам лишь физическое тело. Да, вы будете так же ходить по земле, и внешне ничего в вас не изменится, но в вас умрёт человечность, все прекрасные чувства, останется только ненависть, злость и безразличие ко всему окружающему.

И последнее: призывая Даму пик, знайте, кого именно вы призываете, а призываете вы саму смерть, и не стоит уповать, что она будет рада быть вашим аниматором на Хеллоуин.

Помню, как в самый разгар действия, когда мы увидели прекрасную даму в старинном наряде, мы как замороженные смотрели на нее. Она звала нас, протягивая свои костлявые руки. Было чувство, что протяни в ее сторону руку – как ты окажешься в ее величественном замке за богато украшенным столом. И тут в комнату ворвалась бабушка, а помещение словно озарил белоснежный свет, и все исчезло.

Я проснулась в холодном поту, я не помнила этого воспоминания, словно кто-то забрал его. От всего пережитого в последние дни я решила на то, что не могла заставить сделать себя долгие годы. Я пошла в церковь, однако полуразрушенная часовня была пуста. Когда я решила вернуться домой, меня окликнул неприметный старик.

– Что-то случилось, дитя? Как я могу помочь тебе? – спросил мужчина, усаживая меня на лавку протягивая стакан с водой.

– Не знаю, сможете ли вы мне помочь, мне кажется, я схожу с ума. Не так давно я вернулась в дом своей покойной бабушки, и со мной начали происходить странные вещи, посещают всевозможные ведения, порой слышу голоса, а еще воспоминания, которых никогда не было... Наверное... Я не помню, – сбивчиво промямлила я, однако священнослужителя это нисколько не напугало и не удивило.

– То мне не ново, бывает, неуспокоенный дух покойного родственника пытается вас убедить, а возможно, и просто нечисть беснуется. Нужно освятить дом, – добавил монах, не знаю почему, но его слова меня успокоили.

– И все прекратится? – с надеждой произнесла я. В это время монах отпил какую-то голубоватую жидкость, это немного насторожило меня.

– Лекарство брат Алексей для моих суставов из Москвы привез, помогает. Если хочешь, я вечером к тебе зайду, заодно и обряд совершим, – так же спокойно произнес монах, отпуская меня с миром.

– Если вам не трудно, – произнесла я, спеша домой. На пороге меня уже поджидал ликующий Митяй с коробкой конфет.

– Не знаю, что ты сделала... Заговорила! Заговорила! Счастье-то какое! – ликовал мужчина, однако я его порыв остановила.

– Ребенка окрестить в кратчайшие сроки, – строго произнесла я, закрывая дверь.

До самого вечера я игнорировала говорящего кота, моля всех известных богов, чтобы батюшка поскорее пришел, и вот послышались долгожданные удары в дверь.

– Кого это еще на ночь глядя приволокло?! – возмутился кот, увеличиваясь в размерах. Увидев это, я побежала в сторону двери, резко ее распахивая, чем немало удивила старика.

– Добрый вечер, хозяйюшка, можно войти? – спросил мужчина, переминаясь с ноги на ногу.

– Заходите, коль с миром пришли, – произнесла я на автомате, как вдруг мощная волна буквально вмяла меня в стену, лицо священника исказила гримаса. Существо снимало кожу, словно чулок. Это был здоровый мужчина с зеленоватым цветом кожи, а из-под верхней губы торчали клыки.

– Проклятая ведьма! Думаешь, твоя домашняя магия тебя спасет?! – Под руками монстра дверь начала рушиться, в это время Тимофей пытался меня увести через подвал.

– Вот удача... у нее фамильяр! Хватай ее, братья! – прозвучал трубный голос, после чего мужчина осушил целую колбу с голубоватой жидкостью.

– Это охотники, и они буквально нашпигованы Тарнарией, мы обречены, – произнес Тимофей, видя лицо монстра, расплывающееся в улыбке, которая больше напоминала оскал.

– Люблю сознательных. Сними защиту – и все пройдет без крови, даже вещички в дорогу соберем. Клянусь, – сказал монстр, делая на груди когтем засечку. Тимофей принял сложное решение и выпустил монстров в дом. Мой крик содрогнул дом, и от переизбытка чувств и обуревающего меня ужаса я потеряла сознание, не видя, как мой дом по новой обворовали, после чего предали огню. В то время как оставшиеся в селе местные жители пытались потушить пожар, мое брэнное тело вместе с пожитками и Тимофеем волокли в глубокую чащу леса.

4

Меня мотыляло из стороны в сторону, жаркий воздух обжигал, словно я уснула в сауне. Когда я разлепила глаза, меня встретила беспрохладная тьма, а мир воспринимался как нечто враждебное и очень дурнопахнущее. Я попыталась встать или хоть как-то разогнуться, но все было тщетно – вокруг меня была узкая решетка, напоминающая корзину.

– Эй, шибко не дергайся! А то, чего доброго, заставят идти пешком. Береги силы, – услышала я голос Тимофея. Кот нежно оплел мои затекшие руки, сделав пребывание в коконе более терпимым.

– Снова глюки... Я схожу с ума! – закричала я, как тут же почувствовала, что качка остановилась. Кокон опустили на нечто горячее, словно кастрюлю поставили на жаровню. Я почувствовала, как кто-то крайне сильный схватил меня за волосы, вытаскивая на свет.

– Лапы, что ли, лишние?! – завопил кот, ударив когтями по плотной шкуре неизвестного существа. Если до этого тьма меня пугала, а говорящий кот представлялся бредом сумасшедшего, то теперь я сама была готова занырнуть обратно в темницу, заперевшись с милым пушистиком.

Увиденное привело меня в ужас: это были здоровенные огры, о которых я читала в книгах Толкина. Огромные увальни несли на спинах по три-четыре корзины, в которых, скорее всего, тоже были люди. К нам уже поспешил погонщик, так как караван остановился.

– Эй, Грыгр тебя дери! Какого темного ты встал?! – причитал погонщик, выглядящий как классический бедуин, если не говорить о существе, на котором он передвигался. Это животное напоминало гепарда, только вместо классического окраса у него была бронированная шкура, напоминающая пластины. В это время погонщик ругал огра на чем свет стоит, избивая его кнутом.

– Отпустил, я сказал! Если товар попортишь, я с тебя живого шкуру снимать начну! Могу хоть сейчас начать, только повод дай! – Эта угроза подействовала на увальня. Оказавшись на раскаленном песке, я тут же поспешила обратно в корзину, словно загнанный зверь.

– Умная девочка, – произнес бедуин, после чего зло посмотрел в сторону Тимофея. – Утихомирь свою хозяйку! Огры очень чувствительны к женскому визгу. В случае чего могут и затоптать, – сухо произнес мужчина, после чего мир снова погрузился во тьму.

Корзина вновь взмыла в воздух, после чего тряска продолжилась. Я не могла ориентироваться в темноте, меня обурежала паника. Через несколько часов дышать в корзине стало легче, но ужас не проходил, а рука беспощадно болела от периодических щипков. Я пыталась себя разбудить всеми возможными способами, надеясь, что это всего-навсего сон. Шло время, но долгожданного пробуждения так и не происходило.

Тимофея я все так же игнорировала. Вскоре животное перестало пытаться меня разговаривать или успокоить, просто находясь рядом. Ближе к ночи караван останавливался, нас выводили наружу, выдавая воды и еды. В такие моменты я редко смотрела по сторонам, гонимая жаждой и голодом из-за долгого перехода, все больше напоминая зверя. Тимофей выглядел не лучше, буквально воюя за каждый кусок еды с заложниками на радость загонщикам.

Чуда не произошло, и через три дня меня все так же мотыляло в корзине. Вместе с тем я уже практически свыклась с брэнностью бытия и самим фактом, что это не бред сумасшедшего или пропойцы, а суровая реальность, куда меня занесло, а это значило, что нужно было узнать о себе и окружающем мире в разы больше. В это время я вспомнила о своем попутчике.

– Так что ты говорил про охотников на ведьм?.. И что это за Тарнария?.. – спросила я, смотря на Тимофея. Мой вопрос взбудоражил пушистого.

– Неужто наша светлость снизошла до простых смертных? – буркнул Тимофей, смотря на меня своими изумрудными глазами.

– Сам посуди, каково было мне. Жила себе как жила и бед не знала. И вот тебе подарок, внученька: ты ведьма, кот говорящий и, кажись, бессмертный, а, и еще кое-что: вся нечисть в округе на тебя открыла сезон охоты. Такое и в большом бреде не приснится – фантазии мало-вато. Так что если я вела себя с тобой грубо и временами неадекватно, прошу прощения, – прошептала я, стараясь вести себя как можно тише.

– Вот уж послал Бог хозяек. Одна решила: раз отправила девку за тридевять земель, то она всю жизнь будет в безопасности и пророчество белой ведьмы пройдет стороной. Да и ты не лучше, в любой непонятной ситуации – напилась и спать, а там хоть трава не расти. Ты мне лучше ответь: кто тебе эссенцию Тарнарии сподать умудрился? Она ведь несметных денег стоит, – спросил кот, смотря на мои руки.

– Да не знаю я, когда из Москвы бежала, в запое таком была, что порой и имени своего не помнила, – созналась я, в это время кот всплеснул своими лапами.

– Ты невозможна! – воскликнул кот, как вдруг нас резко мотнуло в сторону.

– У ну-ка ша там! – произнес трубный голос, и Тимофей тут же перешел на шепот:

– Ладно, чего уж там. Скорее всего, кто-то из магов решил тебя угостить, чтобы ты постоговорчивее стала. Это ведь не просто наркотик, магам он заметно сил прибавляет, и не только магических, но и амурных тоже, делая из даже самого зачуханного ботаника альфа-самца, правда, этот эффект весьма быстро проходит. А вот в плане магии эффект дольше, может и неделю продержаться. На смертных практически не действует, правда, в твоём случае он пробудил твои силы, которые Марфа запечатала, когда ты была совсем крохой. – Произнеся эти слова, Тимофей начал всматриваться в мое лицо, пока я обдумывала то, что случилось по прибытию в Марьино, уже с учетом его слов. – А теперь говори, что сотворила, по глазам вижу: что-то да было. Странности там всякие. Любая деталь важна. Нужно понять, какие силы в тебе пробудились, а какие еще спят, – произнес пушистый, по мере изложения кошачьи глаза становились все шире.

– Порча на смерть... Ты что, совсем спятила?.. Теперь понятно, чего тебя так быстро нашли, так еще и защитные чары активировала со страху, заставив водителя маршрут сменить. Так-с, ведьминское зрение у тебя тоже пробудилось, это я и сам понял, а вот та старушка, у которой ты платок купила... Что-то с ней не так, не дают ее слова мне покоя. Как она выглядела? Вспомни ее досконально, – попросил Тимофей, вслушиваясь в мой рассказ.

– Да обычная старушка, худющая слишком, кости наружу, одним словом, вязаными вещами торговала. Я бы мимо нее прошла, да сердце екнуло. Решила старушке помочь, она поначалу меня за свою кума Марфу приняла, но было чувство, что она меня с моей бабушкой перепутала. А потом за руку взяла, в глаза ее посмотришь – перекрестишься: белая пелена стоит перед глазами.

– Ведунью ты встретила... Как пить дать магии в тебе полно было, вот ты и спровоцировала у нее видение, тогда они практически ничего не осознают. Жаль, что она тебе ничего толкового не сказала, ну да ладно. Прорвемся, как говорится. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих, – приободрился Тимофей. За клеткой начало холодать, а это значило, что скоро будет кормежка.

К удивлению погонщиков, из клетки вышла уверенная в себе девушка в компании фамильяра, а не зачуханная простушка-истеричка, которой она была последние дни. Они сильно выделялись среди ведьм, которые утратили всякую надежду на жизнь. Девушка, словно львица, подошла к столу, на который сбрасывали объедки со стола извозчиков. Несмотря на голод и страх, никто из пленных не посмел даже приблизиться к столу, пока ведьма с фамильяром вдоволь не наелись, вернувшись обратно в корзину. После чего драка за еду продолжилась. Увлеченные извозчики делали ставки на дерущихся, разгоняя скуку. Под конец пара мёртвых заключенных была отдан на корм дрофрам, развлекая мужчин, как вдруг слово взял один из них:

– Как я и говорил, только долгие лишения отсеивают слабых, давая переродиться сильным. Завтра ты будешь есть за нашим столом, ты слышишь, ведьма? Гордись! – прозвучал громкий голос одного из погонщиков, вызвав негодование его друзей.

– Ты чего, Кобра, из ума выжил? На кой нам эта квелая баба сдалась? Ни кожи ни рожи, даже не развлеклась с ней толком, больно товар редкий, на кой портить? – сказал один из мужчин и тут же поплатился, задыхаясь от крепкой хватки короля пустыни, коим старик и считался. Несмотря на свои почтенные годы, мужчина был непререкаемым авторитетом в их деле, а все работорговцы его буквально боготворили за негнушийся нрав, прекрасный товар и демократичные цены.

– Кто пальцем ведьму тронет, лично на перо пуцу. За таких, как она, золотом платят за каждую унцию веса. Я таких за свою жизнь всего дважды видел: одна стала женой шаха Назира, а второй была моя мать, и поверьте, горе тому, кто причинит этой ведьме вред, – прошептал пожилой караванщик, вызвав страх в душах своих людей.

Империя шаха Назира простиралась на долгие версты вокруг, а его жена стала верховным визирем, по факту сменив своего мужа на посту. Первым делом она разогнала весь гарем невольниц, часть из которых стала личной гвардией султанши. Работорговля отныне каралась смертной казнью, но была и уловка. В восточном мире она всегда была, если торговали пленниками из других земель, то торговцы обязывались платить обычный, можно даже сказать, смехотворный штраф в один золотой – и торгуй сколько хочешь.

За время правления султанши на страну было множество нападений. Однажды враг обступил столицу – город Раймин, осада длилась семь дней. На восьмой день королева вышла на закате из окруженного города. Противник решил, что таким образом город сдался без особой борьбы. Наутро из десяти тысячного войска в живых остались лишь трое: королева Айше, ее верный слуга Тамал и главнокомандующий войском, которого королева велела отпустить, выделив богатый караван. Однако тот отказался от позорного возвращения, решив принять смерть от руки королевы и умереть достойно. В течение недели вся округа была наполнена дымом от сжигаемых тел, а все, что осталось, – щиты и мечи – отправили в плавильни, установив новые ворота в город.

Дни все так же сменяли друг друга. Вскоре во время одного из привалов караванщик выкупил мне новую клетку, которая была в разы больше и просторнее. В ней было возможно даже лежать, правда, полусидя. Днем Тимофей преподавал мне азы магии, а ночью я развлекала скукающих караванщиков всевозможными сказками и рассказами о своей жизни и всем том, что видела в кино и сериалах.

Я уже начала привыкать к новой «хорошей» жизни, но Тимофей умело возвращал меня на брэнную землю, напоминая об истинном положении вещей. Я не многим отличалась от тех несчастных девушек, которые ежедневно убивали друг друга за лишнюю краюху хлеба. Я – такая же рабыня, как и они, и довольно скоро на мне будет позорная табличка с ценником, а алчные проходимцы будут осматривать меня как товар, и одному богу известно, чем это все может закончиться.

Смотря в ночное небо, я впервые за многие годы захотела помолиться, не из-за того, чтобы исполнить очередное веление бабушки, а искренне.

– Господи, я знаю, что ты никогда не простишь все то, что я делала в своей жизни, я и вправду этим не горжусь. Но если ты действительно тот, в кого верила моя бабушка, умоляю, помоги, – прошептала я, смотря на небо, как вдруг меня сильно толкнули в спину. Это был один из извозчиков, очень пьяный мужлан дождался, пока все уснут, чтобы исполнить задуманное.

– Здесь твоего бога нет! Хотела красивую жизнь – умей и отрабатывать... – смеясь, произнес мужчина, наваливаясь на меня, удерживая у моего горла клинок.

– Если ты или твой кошак хоть пискните, я тебя убью, – прошипел мужчина, одной рукой пытаюсь расстегнуть ширинку своих брюк. Из-за алкоголя это у него никак не получалось, он нервничал. Помощи было ждать неоткуда, по моим щекам текли слезы от осознания своей никчемности.

«Господи, хоть кто-нибудь!» – молила я про себя, и вот клинок располосовал мою рубашку. Отбросив оружие в сторону, мужчина решил было перейти к главному, как вдруг мой взгляд столкнулся с грозным взором дроффа, монстр словно ожидал моего приказа.

– Приди и спаси меня! – приказала я, громко крикнув. Все случилось за доли секунд. Тимофей отбросил лапой клинок насильника, пока дрофр скинул мужичину с меня и вместе со своими собратями устроил очередной ужин, разрывая насильника на куски.

– Эффектно, девочка... А теперь садись в свою камеру, – произнес Кобра, который, как оказалось, не спал. – Если спустишь на меня зверей, никто тебя из этой пустыни не выведет. Будь лапочкой и больше не балуй, – ласково произнес мужчина, кидая в мою сторону браслеты, которые хищными змеями оплели мои ноги.

– Это уберезет тебя от новых глупостей. В клетку, я сказал! – произнес мужчина. Кандалы сильно сдавили ноги, причиняя невыносимую боль, в очередной раз напоминая, кто я и кем являюсь.

5

Больше никто меня не беспокоил до самого прибытия. Я услышала невнятную возню и крики Кобры, который начал командовать разгрузкой.

– Давайте, давайте! Шевелитесь, бестолочи! – кричал он на огров. Я уже было выглянула из корзины, но, заметив гневный взгляд мужчины, юркнула обратно, а на корзину тут же наложили мощные чары. Уроки с Тимофеем не прошли даром.

– Самое лучшее для себя поберег, я думал, что мы друзья, даже обидно, – услышала я незнакомый голос. Через маленькую щелку между прутьями я увидела восточного торговца в зеленом одеянии, мирно разговаривающего с Коброй, пока один из его людей осматривал замученных девушек, словно скот.

– Ты их что, голодом морил? Как я их тебе продам? Триста золотых, и ни рупией больше, – сказал прислужник торговца, становясь возле господина.

– А малец-то твой с норовом, еще ни разу на торгах не бывал, а уже торгуется, – с ухмылкой произнес Кобра, хлопая друга по плечу, пока его товарищ отвесил зазнавшемуся сыну подзатыльник, отсылая его от себя.

– Нужно же кого-то на смену себе готовить, а в нашем деле мямям места нет. Но в чем-то малец прав – на девочек жалко смотреть. Что-то произошло по дороге? Последние дни приходят плохие новости с востока, пустынные вконец распоясались, – произнес торговец, подходя к мужчине вплотную, переходя на шепот.

– Поговаривают, на главных торгах будет сам Тамал с заграничным послом, так что я бы поберег твою жемчужину до того момента, – сказал мужчина, после чего высоко задрал голову, лукаво подмигнув, словно корзины и не было вовсе. От этого по спине пробежались мурашки.

– Спасибо, брат, выбирай, какую пожелаешь, пусть у твоего сына будет богатый гарем, – сказал Кобра, указывая на девушек, стоящих на жгучем песке. Мужчина еще раз прошел мимо девушек, осматривая их, преподавая своему сыну очередной урок:

– Не смотри на их миловидные личики, смотри на таз: чем шире бедра, тем плодovieе и здоровее будет потомство. Затем кости, зубы, а уж потом их личико, – сказал мужчина, доставая цветное стекло, осматривая девушку с его помощью.

– М-м-м, ведьм в этот раз привел, то-то я гадал, чего ты так долго. Все же ты сумасшедший – с охотниками связываться, они же ради Тарнарии на все пойдут. Но, надо отметить, подарок поистине щедрый, а товар бесценен. Рахид, поблагодари дядю как следует, – произнес купец. Парень снял со своего пальца один из перстней, передавая его Кобре.

– Отныне и впредь обещаю не перечить против вашей цены, признавая вашу благодетель, достопочтенный Король пустыни, – произнес юноша клятву, после чего схватил девушку в охапку, неся ее в сторону своего скакуна.

– Эх, было время – и мы были такими, – с легкой долей ностальгии произнес мужчина, прощаясь с приятелем. Кобра посмотрел на мою клетку, переводя взгляд на рабынь.

– Отведите их в термы Данарии, пусть приведет наших пташек в порядок к вечерним торгам, а я пока подготовлю наш главный лот. – Мужчины беспрекословно повели девушек вглубь базара, взяв на расходы пару монет. Я столкнулась с улыбающимся взглядом торговца.

– Ну что, киса, сама вылезешь или помочь? – с насмешкой произнес мужчина, усиливая хватку браслетов. Выбравшись из корзины вместе с Тимофеем, я тут же поспешила скрыться в тени огра – ноги жгло немилосердно, – взяв пушистика на руки, чтобы тот не повредил лапки.

– Хм, так мы каши не сварим, – сказал мужчина, кидая в мою сторону странный мешок. – Тут твои пожитки от предыдущих хозяев, одевайся, – сказал Кобра, не понимая моего удивле-

ния. В это время в рюкзак занырнул Тимофей. Из рюкзака начали вылетать кроссовки, носки, а также плотный дождевик. После чего кот вновь появился, вынырнув из мешка.

– Нехило они на тебя потратились, ни одной вещи в доме не оставили, – с улыбкой сказал кот. В это время я судорожно начала одеваться, так как кандалы уже начали обжигать, напоминая, что время Кобры лучше зазря не тратить. Когда я натянула на голову капюшон, Тимофей занял место в качестве воротника.

Великие торги проводились дважды в год, а место их проведения каждый раз менялось. Хоть государственные деятели и понимали, что большая часть товара на данных торгах нелегальна, торговцев они особо не притесняли, так как даже контрабандисты платили налоги, пополняя казну звонкой монетой.

Базар напоминал множество шатров, в которых были всевозможные диковины со всего мира, а возможно, и миров. Как вдруг мимо нас проплыл эльф-носильщик, тащивший огромный мешок. На его шее блестел ошейник с таким же узором, как и кандалы на моих ногах. Глядя на его атлетичную фигуру, я невольно засмотрелась.

– Хватит уже глазки мужикам строить, побереги свое обаяние для нового хозяина, – сказал Кобра, взяв меня за руку, уверенно ведя сквозь толпу. Мы приблизились к скромному черному шатру, который больше напоминал походную палатку. Понимая, что в ней места и на одного Кобру не хватит, я осталась снаружи, как вдруг меня буквально затащило в шатер.

Я невольно ахнула: это был многоуровневый комплекс, похожий на элитный спа-салон из заграничной рекламы, если бы не обслуживающий персонал в ошейниках. Кого там только не было: эльфийки, парочка демонесс судачила о мужчинах, делая одной из клиенток маникюр, пока фея колдовала с волосами зазнобы.

– О, дамы, посмотрите, какой редкий гость посетил мою скромную обитель, – сказал управляющий, который больше напоминал фавна из мифов. Девушки несколько оживились, но тут же вернулись к работе.

– Я тоже рад, Люпин. Нужна твоя помощь. Скажи, что ты что-то с этой дурнушкой сможешь сделать, – с мольбой в голосе произнес Кобра, явно играя на самолюбии фавна-нарцисса. Фавн снял с меня капюшон и «ужаснулся».

– Божечки... Бедная девочка, волос совсем плохой, ногти тоже, но я постараюсь. Только ради тебя. Сколько у меня времени? – произнес фавн, подзывая пару служанок, которые начали меня раздевать, однако самовольничать я им не позволила, так как предстать голой перед большим скоплением народа я не могла. Тимофей также встал на мою защиту.

– Оу, какие мы прыткие. Мне нравится. Увы, мои жены слишком ревнивы. Решено, я берусь, так на сколько времени я могу рассчитывать? – спросил фавн, облизнувшись, уже представляя, как я стану главным лотом торгов, что, соответственно, весьма его обогатит.

– До вечера, – сказал Кобра, вызвав наигранное смятение фавна.

– Божечки, божечки... Мы не успеем... Но я постараюсь сделать из этого куса угля настоящий бриллиант, – сказал фавн, выставя Кобру из своего шатра, меняясь на глазах. Меня свало оцепенение.

– Корнелия, Люси! – сказал мужчина, призывая слуг, пока я не могла даже пошевелиться. Тимофей был в таком же состоянии. – Отмыть от грязи, и, умоляю, сделайте что-то с этим запахом, главная жемчужина сегодняшних торгов не может пахнуть как стадо огров! – приказал мужчина, и меня понесли в сторону одной из комнат.

Вы когда-нибудь были на медосмотре? Здесь было хуже: ты не мог кричать, говорить или сопротивляться. Я чувствовала себя игрушкой в руках девушек: меня натирали всевозможными маслами, скоблили кожу, даже применяли магию, чтобы вернуть мой натуральный цвет волос, после чего на меня надели халатик, передавая следующим девушкам. Краем глаза я заметила испуганные глаза пушистого, ведь лотом этих торгов была ведьма и фамильяр, а значит, настала его очередь.

На маникюре я испытала настоящий шок: мои накладные ногти слезли вместе с моими, наполняя ванночку кровью, но на удивление мне не было больно.

– Эльфийская магия, расслабься, мы все через это проходили. Кто-то раньше, кто-то позже. Быть главным лотом торгов – большая честь, таких, как ты, часто выбирают в качестве будущих жен знатных вельмож. Видела ту женщину внизу? Раньше и она носила ошейник, а теперь сама стала госпожой своей судьбы, – сказала эльфийка с придыханием, невольно скорчившись от ошейника.

– Много говоришь, Матильда. Как поживает наша жемчужинка? – произнес фавн, осматривая мои волосы и ногти, вдыхая мой аромат. – Уже лучше, намного лучше, может, и успеем, – произнес мужчина, как вдруг его взор остановился на моей ноге.

– Что это за варварство?! Девушка должна быть нежной, словно цветок лотоса, а не как еж. Сисиль! Немедленно займись этим! – сказал он. В комнату вошла девушка, держа в руках до боли знакомые предметы... Это была беспощадная восковая эпиляция со всей феерией чувств и эмоций. Тело буквально горело, воспаляясь, после чего меня буквально закинули в чан с зеленым отваром. На удивление отвар мгновенно остудил и снял воспаление кожи, после чего купание повторилось.

После изувера с баночкой воска мне уже и черт был не страшен, поэтому я полностью игнорировала окружающий мир как данность, и вот он... последний круг ада – стилист-парикмахер... фавн-нарцисс. Не знаю, какой магией он пользовался, но мои волосы стали длиннее и гуще, после чего меня, словно куклу, начали наряжать.

– Не то... не то... нужно что-то особенное... Ты чего молчишь?.. Скажи хоть что-нибудь, – приказал мне фавн, снимая свое заклинание.

– Я не умею все это носить, потому и смотрится нелепо. В моих краях в моде другие наряды, – сказала я, пытаясь быть крайне тактичной. Как вдруг озлобленный фавн схватил меня за голову.

– Как ты смеешь сомневаться в моем таланте?! Ну-с, посмотрим, что у вас там такого особенного, – сказал мужчина, буквально вторгаясь в мои воспоминания.

Перед моим взором было воспоминание о предстоящей свадьбе и все платья, которые я перемерила перед ней, а также те, что были в интернет-каталогах. Вот я вновь захожу в комнату и вижу, как на моем будущем супруге гарцует моя лучшая подруга. Фавн отпрянул от меня, немного успокоившись.

– Мы ему отомстим, моя дорогая. Ты будешь самой желанной женщиной сегодняшних торгов! И ни один подлец не посмеет бросить тебя у алтаря ради бесформенной воблы. – Не знаю почему, но его слова заставили меня улыбнуться. К моему выходу все было готово, а будущее стало немного ярче. Тимофея тоже нарядили, надев аккуратную бабочку. Также не без помощи магии мешок с пожитками превратился в элегантную сумочку.

– Она станет такой, какой захочешь. Это мой прощальный подарок. Задай им всем, – сказал фавн, выпуская меня на улицу. Выйдя из шатра, я оказалась на практически пустой улице, где меня ждал встревоженный Кобра.

– Скорее, Тамал с послем уже прибыл на торги! – прикрикнул мужчина, усаживая на дрофра, после чего скакун сорвался на бег, спеша по узким улочкам опустевшего базара.

Тамал дико нервничал, ему был жизненно необходим договор с Антами, гарантирующий беспрепятственный доступ к порту в Шире, что вывело бы империю на новый уровень. Однако поход по невольничьему рынку лишь ввел посла в тоску. Девушки сменяли друг друга, демонстрируя свои умения и таланты, приводя в восторг покупателей, которые ждали отмашки визиря, так как по закону он выбирал товар первым.

– Хотите, мы покинем это место? – спросил Тамал, стараясь угодить послу.

– Думаю, не стоит мешать торгам, – несколько лениво произнес посол, было видно, что он был далек от всего этого, витая где-то далеко. Посол встал со своего места, собираясь уходить, как тут же замер, услышав знакомый голос. Его глаза его не обманывали – это была та самая незнакомка, которая не так давно пленила его сердце, но это было невозможно, она была далеко от этих богом забытых мест. Тем временем он как замороженный смотрел на девушку, не смея отвести глаз.

– Ласточка, не садись на ворота —
Крылья черные свои поломаешь.
На моих воротах остры колья —
Сама знаю...
Милая, не летай под окошком,
Не дразни меня, и так больно.
Мне б с тобою улететь пташкой
На волю...

Тамал было взмахнул рукой, чтобы уже начать Великие торги, как того требовал обычай, как вдруг его руку перехватил посол, буквально силой усаживая его на место.

– Пусть допоеет, – сказал мужчина, едва скрывая волнение. Это была победа Тамала. Хоть посол презирал работоторговлю, но, как сказал великий визирь Айше, он всего лишь мужчина, а мужчине нужна женщина. Тамал тайком дал знак своим людям выкупить девушку и доставить в его дворец в качестве подарка для посла.

В это время девушка все продолжала петь. Ее пение завораживало, отражаясь от стен, разносясь мелодичным эхом. Чем дольше посол не отводил от девушки глаз, тем шире была улыбка Тамала.

– Я с тобою со двора в поле.
Через поле – к скалам да к морю.
Над водой взлечу тебе черной
Сестрою.
Буду песни петь, как ты, звонко.
Будет хвост, как твой, двойной, тонкий.
Забери меня с собой черной
Да живою.

Когда последняя строчка была допета, зал взорвали аплодисменты. Торговцы кидали к ногам девушки шелка и золото. Увидев визиря, толпа смолкла.

– Выбор сделан, товар оплачен. Да начнутся Великие торги! – объявил Тамал на древнем наречии, чтобы посол не догадался о его покупке, после чего в компании посла, слуг и охраны вышел из шатра.

– Достопочтенный Тамал, не могли бы вы... – начал смягчаться мужчина, который впервые шел против своих принципов, желая не спасти, а именно обладать желанной женщиной, даже если та была лишь мимолетным миражом, не больше чем курортным романом.

– Да никак вам запала в душу эта прелестная девушка? Не беспокойтесь, она будет ожидать вас в ваших покоях. Это мой вам подарок, – сказал визирь, усаживая дорогого гостя в карету.

– Достопочтенный Тамал выбрал тебя! – радостно произнес Кобра, трясая меня словно грушу, снимая кандалы, однако его радости я не разделяла. Меня купили... купили как вещь, и я с радостью пошла на это, променяв одну клетку на другую. Не знаю, но что-то во мне в этот момент сломалось. Я стала абсолютно безучастна к своей судьбе. Тимофей всячески пытался

привести меня в чувство. Меня словно драгоценность усадили в белую карету, запряженную грифонами, по моим фарфоровым щекам текли слезы.

– Вот же счастливица, – слышала я голос одной из рабынь, пока моя душа буквально разрывалась на кусочки.

– Счастье... когда тебя купили... купили как вещь. Моя жизнь больше мне не принадлежит, вы это называете счастьем? – произнесла я, оставаясь все так же безучастной. Мне было все равно, кто меня купил и зачем, все стало абсолютно невзрачным и серым.

Я хотела домой, к семье, беззаботно играть с Беляком на летней террасе, пока бабушка готовила брусничный пирог. Это воспоминание было единственным, которое согревало мою душу. Крепко обняв Тимофея, я не заметила, как уснула, пока карета летела в сторону замка визиря Тамала.

6

Карета мерно плыла по небу, изредка слышалось недовольство извозчика, что ему приходится вести второсортную подстилку вместо почтенного посла и визиря. Несмотря на возмущения и обещание кота устроить мужчине кастрацию с трудоустройством в качестве евнуха, мужчина так и не замолчал, продолжая бурчать себе под нос. Как вдруг карету изрядно мотнуло вбок, едва не перевернув, после чего нас подкинуло вверх – карета падала.

Тимофей изо всех сил пригвоздился серповидными когтями к обивке кареты, став своеобразным ремнем безопасности. Я кричала от страха и ужаса, а меланхолия ушла на второй план. В эти секунды я приняла для себя одно важное решение.

– Я хочу жить!!! – прокричала я. От собственного вопля у меня заложило уши, к моему удивлению, карета замедлила падение, опустившись на землю. Я крепко сжала Тимофея, пытаюсь успокоиться, но времени на это нам не дали. В момент опасности все мои чувства обострились в сотни раз. За доли секунды я успела выпрыгнуть из кареты, держа Тимофея за шкуру, пока карета превращалась в лохмотья от боевого заклинания. Часть осколков кареты ранила меня, но я продолжала бежать, бежать как можно дальше оттуда, прячась во тьме ночи, но все было тщетно.

Забежав за бархан, я встала как вкопанная. Нас окружили, оскалившиеся хищники преградили мой путь. Спустя несколько минут глаза привыкли к темноте, и я увидела их – пустынников.

Кобра был умелым рассказчиком, травя байки, сидя вечерами возле костра. Его любимая была о том, как он потерял три пальца в бою с одним из пустынников. Но одно дело рассказ, и совсем другое – увидеть этот народ вживую. Пустынники были больше человеческого роста, внешне напоминая ящероподобных людей с хорошо развитой мускулатурой. У них были змеиные глаза, а их руки больше напоминали лапы, не говоря про длинный хвост. Оставив человека один на один с подобным монстром, о результате схватки и говорить не приходилось, можно было лишь гадать, как быстро тебя прикончат и с какой именно жестокостью.

– Черт! Назар клялся, что в этой карете будет визирь! – взревел один из монстров, зло смотря на меня, хватая меня за горло когтистой лапой, не давая вздохнуть.

– Говори! Говори, куда направляется визирь! ГОВОРИ! – ревел монстр, оглушая. Тимофей молнией взбежал на ящера, пытаясь нанести ему хоть какой-нибудь вред, однако тот лишь отмахнулся от него. Я краем глаза заметила, как Тимофей упал на остывающий песок и больше не поднимался.

– Тиш... ка... – прохрипела я, отдавая последние запасы кислорода, как вдруг ящера скинул один из соплеменников. Пока толпа бесновалась, делая ставки, я зацепилась взором за слабое голубое сияние. Я знала, что это была Тарнария, во время драки ящеры обронили пару бутылков.

Я не питала каких-либо надежд, помня предупреждение о передозировке этим зельем, но быть разорванной на части под радостные крики ящериц я не хотела. С жадной утопающего я схватила один из бутылков, осушая его, едва не захлебнувшись. Голова кружилась, мир погружался в водоворот, а вены на теле начали сиять синим цветом, это ящеры проигнорировать не смогли. Они отошли от меня на пару шагов, общими усилиями создавая защитный барьер, боясь шелохнуться, так как заряженный Тарнарией маг был способен на все. Как вдруг я взяла вторую бутылку зелья, выпивая ее.

– Ты чо творишь?! Это же убьет тебя! – завопил ящер, который до этого пытал меня. Я слабо улыбнулась, магия буквально разрывала меня на клочки, стремясь выйти наружу.

– Хотя бы умру свободной. Свобода превыше всего! – сказала я, разжимая руку. В моей голове вихрем метались мысли, воспоминания прошедших дней и месяцев, жизнь в рабстве и эти проклятые торги. Все вокруг поглощало белое сияние под вопли монстров.

Мне было холодно. Я много читала о свете в конце туннеля, который видят все при переходе в мир иной, но я его так и не увидела. Была лишь безмятежная тьма, как вдруг передо мной оказалось зеркало. Я узнавала его – именно на нем мы пытались призвать пиковую даму в детстве. Мне было страшно, я знала, кто именно предстанет предо мной – Смерть, истинная владычица царства мертвых. Однако вместо нее я увидела седую старушку с рынка. Пожилая женщина вела в мою сторону белого льва, зверь перешел через границу зеркала, встав возле меня.

– Твоя душа очернена болью, страданиями и лишениями, но даже в последние мгновения ты думала о других. Береги это качество, твое великодушие и милосердие. Помни: ночь не будет вечной, за ней всегда будет рассвет, – сказала женщина, исчезая. Я легко тряхнула головой, как от наваждения, оказавшись на каком-то настиле из лиан. Впереди виднелось несколько изнеможенных мужчин, которых окружали дрофры.

– Динар, объясни мне, на кой мы уже вторые сутки тащим эту квелую девчонку на своем горбу? И не смей даже заикаться про эльфийскую честь. – Мужчина остановился, отпустив лиану, которая тащила настил.

– Она спасла наши шкуры, или забыл, в качестве кого нас купили на базаре? А я напому: мы с тобой оба проиграли на поединке в Бойцовских ямах. Раненые и слабые рабы никому не нужны, их пускают на мясо, – вспыхнул эльф, выхватывая клинок. Второй тоже не остался безучастным, сменяя ипостась, как вдруг драчунов буквально растащили в разные стороны. Отделяя меня от мужчин, ко мне приблизился белоснежный лев.

– Доброе утро, засоня, вставай, – произнес ласковый голос. Я не могла поверить своим ушам – я узнала его.

– Тишка! – воскликнула я, разревевшись, крепко обнимая льва, словно боясь, что его отнимут.

– Не знаю, что ты сотворила, чтобы задобрить Костлявую, но меня повысили! Теперь я официально твой фамильяр, а не простой приبلуда-демон, – сказал Тимофей, гордо выпячивая грудь. Новость о том, что мой фамильяр – житель подземного мира, меня несколько взбудоражила и испугала. Заметив мое смущение, Тимофей решил несколько прояснить ситуацию:

– Ну да... Я был не совсем честен с тобой. В общем, когда ты родилась, я охотился на мелкую нечисть в округе. Фамильярам без хозяина очень тяжело, вот и приходилось питаться чем придется. Твоя бабка тогда пыталась твою мать с того света вытащить, это темная магия. Она сняла все щиты и обереги в доме, открыв мелкой нечисти полный карт-бланш. Дети – их самый любимый деликатес, а тут еще душа ведьмы на подходе, в общем, явились все. Не скрою, поначалу все мои мысли были лишь о твоей матери, но когда я услышал твой плач, я не смог пройти мимо, вспомнив о своем предназначении. У меня не было защиты, и совершить обряд связывания ты не могла, поэтому я и прислуживал твоей бабке, так сказать, на добровольных началах. Без связи у нас нет доступа к магии, да и оболочка весьма хрупкая. – Я потрясенно выслушала исповедь кота, чувствуя, что он говорит правду, хотя сама не могла поверить ни единому слову.

– Как проходит связывание? Отвечай! – крикнула я, видя идущий в нашу сторону караван, усиленный магическими заклинаниями, словно бронепоезд. Я толком даже не видела сам караван – я видела исходящую от него магию.

– Ты должна призвать меня, используя истинное имя, трижды произнести: «Связываю тебя духом, телом и кровью», – сказал Тима, не понимая, в чем причина моей спешки. Я встала

перед взором Тимофея, царапая его когтем свою руку. Удивленно взглянул на меня, в это время я протянула его лапу одному из дрофров. Зверь аккуратно оцарапал лапу Тимофея и вернулся к сородичам.

– Аэрзеозарес, демон преисподней, призываю тебя! – крикнула я под изумленными взглядами мужчин. Эльф потрясенно наблюдал за действием, поскольку данный ритуал он ни разу не видел, как вдруг его внимание привлек караван, вышедший из-за бархана.

– Связываю тебя духом, телом и кровью! Связываю тебя духом, телом и кровью! Связываю тебя духом, телом и кровью! – на одном дыхании произнесла я, даже не зная языка заклинания, словно кто-то меня направлял. Как вдруг на меня навалилась слабость, и я вновь упала на землю под рев льва.

– Свершилось! – услышала я радостный голос Тимофея, погружаясь в сон. Видя это, эльф встал на колени, пытаясь поудобнее уложить девушку на настил из лиан, незаметно для всех шепча одну из древнейших клятв эльфов.

По древнему закону, сформировавшемуся еще во время первой магической войны, – «За жизнь, плати жизнью» – спасенный был обязан вернуть спасавшему долг, равный его потере. Это мог быть потерянный дом, жена и даже дети. Со временем про этот закон все забыли, войны закончились, а люди предпочитали презренный металл, но Динар (именно так эльфа назвал его первый хозяин, сказав цену вместо имени) чтит этот закон, зная, какая цена была уплачена за его свободу и жизнь, и заплатить ее не сможет ни одна казна в мире.

Караван уже практически прошел мимо путников, успокоив оборотня, который был готов отразить любую атаку. Несмотря на все свое равнодушие и внешнюю холодность, он знал, чем обязан безумной ведьме, которая чудом оставила их в живых. Как вдруг в их сторону помчалась целая вереница дрофров. Бывшие рабы узнали спешащего в их сторону визиря в сопровождении охраны.

Тамал почувствовал неладное, когда карета вовремя не прибыла, благо посол купился на его ложь, но ему была жизненно необходима та самая девушка. Вот почему он посреди ночи собрал караван, отправившись на поиски, благо девушка оставила весьма четкий магический след, а также вереницу из трупов песчаников. Найти ее было делом времени.

– Немедленно верните мою рабыню – и я вас пощажу! – крикнул визирь, однако его дрофры не осмеливались подойти ближе, игнорируя приказы и даже телесные наказания. Воевать с визирем было самоубийством, потому мужчины вскинули руки к небу, показывая, что сопротивляться они не намерены. Наемники бережно взяли девушку на руки, неся в сторону каравана, несколько побаиваясь белого льва. Динар молча пошел следом. Охрана визиря попыталась остановить эльфа, который перехватил девушку, поднимаясь вместе с ней на слона, но закаленный в боях раб с легкостью избежал схватки, наверху его уже ждал визирь с боевым заклинанием наготове.

– Оставь ее и иди прочь, – приказал мужчина, однако эльф его проигнорировал.

– За жизнь плати жизнью, – коротко сказал эльф на древнем наречии, оголяя грудь, показывая визирю метку данной им клятвы. В это время возле эльфа появился запыхавшийся оборотень, разрывая свою рубашку. Он тоже дал клятву, правда, гораздо раньше.

– Да будет так, но здесь находиться ни один из вас не будет. Посол не одобрит, что его рабыня была осквернена второсортным отребьем. Вы даже не представляете, насколько ценен этот бриллиант, – сказал визирь, скидывая мужчин с ездового животного, и караван медленно отправился в сторону дома, в то время как упертый эльф, ругаясь на всех известных и малоизвестных языках, пытался оседлать одного из дрофров, чтобы не идти до замка визиря пешком, до коллик смеша наемников, а также более удачливого оборотня.

7

Пробуждение было более радостным: я впервые за долгое время спала на мягкой перине, с чистыми простынями, комната была наполнена ароматическими маслами. Первое время я попросту млела от удовольствия, потягиваясь на шелковых простынях.

– Проснулась? Ну ты и соня. Теперь понятно, почему твой фамильяр принял облик кошки, как говорится, яблоко от яблони. – Услышав голос незнакомки, я тут же вскочила на ноги. В комнате стояла красивая женщина средних лет с огненно-рыжими волосами, ее изумрудные глаза лукаво улыбались, смотря на меня. Осмотревшись, я увидела на себе золотистый шелковый халат и шелковые шаровары, через которые просвечивалось все, я тут же поспешила замотаться в одеяло.

– Да ты никак дикая... эй... Ты вообще понимаешь, что тебе говорят?! – начала повышать на меня голос женщина, ругаясь на чем свет стоит, однако давать в обиду меня не собирались. Проснувшись от воплей, Тишка принял более представительный вид, как бы невзначай точа огромные когти о деревянные полы, превращая прекрасный паркет в стружку.

– Да не ори ты как ума лишенная! Дай с мыслями собраться толком, – произнесла я, превращая безразмерное покрывало в подобие сари. В это время женщина преобразилась на глазах, ее лицо выражало искреннее счастье.

– Так ты из северных! Какая радость, уже больше десяти лет никого из соотечественников не видела. Как тебя сюда занесло? Как дела на родине? Я хочу знать все, – начала расспрашивать меня женщина, усаживая на кровать. Как вдруг в двери постучали, в комнату вошел мужчина в восточном наряде. Он молча поклонился, хлопнул в ладоши, после чего в комнату занесли огромные подносы с едой и напитками, слуги тоже были мужчинами. Все время, что мужчины находились в комнате, ни один из них даже не взглянул в нашу сторону, а у некоторых и вовсе были повязки на глазах.

– Таков здешний уклад: на нас запрещено смотреть даже евнухам, исключение – только термы, занятия и центральный зал, где мы проводим свободное время. Тамал весьма суров и очень ревнив, но это идет даже на пользу отношениям, – с придыханием сказала женщина, поглощаясь своими мыслями, как тут же спохватилась.

– Где мои манеры?! Меня зовут Зарема, я старшая жена. Тамал попросил тебя подготовить и обучить к его возвращению из Фаршады. До тех пор тебе запрещено выходить из этой комнаты – заключают. Сама понимаешь, новая наложница, а уже поселили в лучших покоях. Раньше здесь жила Шахрат, будь с ней осторожна, стерва еще та. На все готова, лишь бы занять место старшей жены. – Слова Заремы немного меня взволновали, но, вспомнив один из турецких сериалов, который постоянно крутили по телику пару лет назад, я немного успокоилась.

– Пусть сунется – зубы обломает, – с улыбкой произнес Тимофей, запрыгивая мне на руки в виде маленького котеночка, требуя ласки. Эта трансформация фамильяра очень удивила женщину, новенькая поражала ее: только древние ведьмы севера могли призвать себе на службу настоящего жителя подземного мира, в то время как остальные довольствовались неприкаянными душами. Оттого мысль о том, что девушку купили на торгах в качестве рабыни, повергла ее в шок.

– Не беспокойся, мне с вами делить нечего. Меня купили в подарок для посла, – произнесла я несколько грустно, начав лениво ковырять угощение, уже собираясь приняться за еду, как меня остановил Тимофей, перевернув блюдо, под крышкой которого оказалась змея.

– Говорили же тебе умные люди: будь настороже, а все туда же, – фыркнул кот, разрывая змею пополам, в то время как тень пресмыкающегося продолжала упорно ползти в мою сторону.

– Не на того напала, тварь, – произнес Тимофей, наступая лапой на голову тени, буквально вдавливая ее в пол. Вскоре тень попросту исчезла, а со стороны коридора раздался отчаянный вопль. Зарема резко распахнула дверь, выбежав наружу, следом за ней поспешила и я в компании Тимофея. Увиденное привело меня в ужас.

Девушка отчаянно редела, пытаясь приложить непонятные ошметки к своему лицу. Присмотревшись, я поняла, что это была ее кожа. Кожа слезала с нее хлопьями, словно со змеи во время линьки, превращаясь в ее руках в прах.

– Что ты наделала?! Я была прекрасна! – вопила девушка, кидаясь в сторону Заремы, однако подоспевшие евнухи успели перехватить девушку в считанных сантиметрах от госпожи, которой считалась первая жена хозяина.

– Ты хотела меня убить, мерзавка! – сказала женщина, давая зазнавшейся наложнице пощечину, снося половину ее лица, под которым оказалась змеиная кожа. Увидев это, наложницы, которые были в главном зале, поспешили спрятаться по своим комнатам, смотря на все с безопасного расстояния.

– Ты так сильно хотела быть первой, что согласилась стать приспешницей Нагайны... Ты еще глупее, чем я думала. Посмотри, посмотри, кем ты стала! Такова цена твоего контракта с демоном, это твой истинный облик, который ты не сможешь изменить. Ты будешь изгнана из гарема и заклеяна позором, с тобой не разделит ложе даже бедняк с базара. Отныне все увидят твое истинное лицо, надеюсь, оно того стоило, – сказала Зарема, выстраивая посередине зала хрустальную клетку в назидание наложницам.

– Молю, убей... убейте! Не дайте господину увидеть меня такой! – стонала заключенная ведьма, но никто ее не услышал благодаря пологу тишины, который использовал один из евнухов.

– Рахид! Немедленно наведите порядок в покоях нашей гостьи и подайте по новой обед. Все блюда проверять перед подачей. Одному всевышнему известно, что эта стерва успела сделать! Пусть лекарь осмотрит всех девушек на предмет отравления ядами и порчи. До моего разрешения никого из комнат не выпускать, – отдала распоряжения Зарема, ведя меня в сторону своей комнаты. Ее комната была в разы больше той, где жила я, просторнее, здесь даже имелся балкон.

– Спасибо, что спасли нас от этой мерзости. Служители Нагайны питаются соками и красотой окружающих, скрывая свою ущербность. Разгадать их невозможно до самого конца, а когда вскрывается правда, чаще всего становится слишком поздно, – сказала женщина, усаживая меня за стол, попутно доставая граненые стаканы, нехитрую закуску и запотевшую бутылку фруктового вина. – Ну, раз с проблемами все решено, можно перейти и к более приятному. Ну что, за встречу, – сказала Зарема, поднимая бокал.

Слухи разносятся быстро, не прошло и дня, как докладчики спешили с вестями о нападении на визиря к султанше, которая все узнавала еще быстрее, как говорится, из первых рук. Благо визирь всегда носил свой перстень, и особой надобности за ним следить она не видела, зная о его безграничной преданности.

Больше всего ее беспокоила объявившаяся на торгах северная ведьма, которую выкупил визирь, хотя это было строжайше запрещено и каралось смертью, это был ее первый приказ в качестве Великого визиря, по которому все ведьмы Северных земель приравнивались к местному населению, которое не подлежало торговле и рабству.

Айше подошла к зеркалу, висевшему в ее комнате, начав наносить на него древние руны заклинаний. Вскоре по поверхности зеркала пошли круги, показывая комнату ее старой подруги, где всюду шла задушевная беседа под прекрасное вино.

– Так как тебя занесло так далеко на юг? – спросила Зарема, наливая захмелевшей девушке еще вина.

– Да чего уж там рассказывать. Жила обычной жизнью в Москве, вся эта волшебная история была вообще не про меня, я до сих пор слабо верю, что я ведьма. Начну с главного: мой парень изменил мне в день свадьбы, была в депрессии, чего уж греха таить, напилась я тогда сильно и решила поехать в деревню, где жила в детстве. По пути кто-то меня опоил эссенцией Тарнарии. Прокляла козла и его подстилку Людку сгоряча. А затем на мой дом напали охотники на ведьм, и вот я здесь, – сказала я, осушая бокал, в то время как Тимофей под предлогом «ну вы и алкоголички» пошел на балкончик спать на солнышке. Лицо женщины изменилось, став серьезным, несмотря на алкоголь, она смогла заметить портал, из которого появилась Айше. Девушка так же незаметно подсела за их стол.

– Москва, говоришь? Ну и как там, в первопрестольной? Как поживает дедушка Ленин? – спросила девушка, ставя на стол очередную бутылку, незаметно активируя заклинание истины, чтобы избежать подвоха, так как в столь глобальные совпадения она не верила.

– Да как всегда, лежит себе в мавзолее. А ты никак из родных мне мест? – произнесла я заплетающимся языком. Перед глазами все начало плыть, пока незнакомка укладывала меня на кровать.

– Ну и горазда ты выпить, Зарема. Еще чего доброго, сделаешь из ребенка алкоголичку, – отругала Айше свою старую подругу, нарвавшись на озлобленный взгляд ведьмы.

– Ты поклялась, что ни одна наша сестра не познает тот ад, через который прошли мы в молодости. А теперь мой муж купил ее... Как вещь купил! А знаешь, у кого? У Кобры... Да, у него, он жив, – произнесла женщина, заставив султаншу измениться в лице. Она запомнила это имя на всю свою жизнь, оно преследовало ее в кошмарах. Она до последнего надеялась, что жестокий торговец, упивавшийся агонией погибающих во время боев за еду ведьм, умер долгой и мучительной смертью много лет назад.

– И я сдержу данное слово, пусть ребенок проспится. Помоги ей, как и мне тогда, чтобы она отпустила свою старую жизнь. Пока я во всем не разберусь, она не станет рабыней, клянусь. Ты веришь мне, Зарема? – спросила Айше, ища поддержки в глазах подруги. Та лишь взмахнула рукой, обронив на прощание:

– Мы с тобой уже не рабыни с базара... но стали мы свободны? – с горечью в голосе произнесла Зарема, укрывая девушку одеялом. От ее слов Айше несколько опешила, коротко кивнула – ее подруга была права. Вернувшись в свою комнату, Айше первым делом вызвала к себе гонца.

– Отправляйся в Фаршад, найди визиря Тамала, путь едет сюда вместе со своим посланцем, хватит с него уже дипломатии. – Суровость старшего визиря говорила красноречивее слов: Айше в ярости, а это значило, что у гонца на все про все сутки, иначе полетят головы, начиная с его собственной.

8

Жизнь в гареме, к моему удивлению, была ключом, и в совсем не приятном смысле этого слова. Меня разбудил громкий набат колокола, после чего послышалось пение петуха, потом кто-то бесцеремонно начал меня будить, облил кувшином воды, но это не помогло. После чего мягкая и такая удобная кровать подо мной попросту исчезла.

– Хватит спать, принцесса. Так и знал, что из Заремы не выйдет путевой наставницы для такого редкого цветка пустыни, как ты, – услышала я хорошо поставленный мужской голос, который буквально переливался сарказмом.

– Придушу заразу, – простонала я, пытаюсь встать, получалось плохо. Евнух с видом великомученика вскинул глаза к потолку, припоминая Зарему явно не хорошими словами, после чего щелкнул пальцами, и мое брненное тело поднялось над землей.

– Боги, еще одной пропойцы не хватало на мою голову. Вот, выпей, – сказал евнух, вливая в мое горло непонятный раствор. На удивление стало немного легче, но прибить изувера хотелось беспощадно. После общего завтрака – да, на этот раз я завтракала вместе со всеми, немало удивив наложниц, – одна из девушек хотела со мной заговорить, как вдруг перед ней опустился тонкий прут, громко щелкнув.

– Мина, напомни первую благодетель праведной женщины для новенькой! – сказал евнух, зло смотря на трясущуюся девушку.

– Молчаливая и покорная жена – главное украшение дома, – пролепетала девушка. Мужчина перевел взгляд на меня.

– Повтори! – сказал мужчина, указывая прутом в мою сторону, однако я молчала.

– Ты не знаешь наш язык или я непонятно сказал? Я приказываю тебе повторить, рабыня! – проорал мужчина, замахнувшись. Я схватила рукой прут, даже не поморщившись от боли. По руке тоненькой струйкой начала течь кровь, но прут я так и не отпустила.

– А теперь послушай меня, ты! Каждая из нас прошла через ад и лишения не для того, чтобы неполноценный недоносок вроде тебя избивал и мучил нас. Достопочтенный Тамал не будет в разъездах вечно, рано или поздно он призовет одну из своих наложниц в свои покои, и я даю тебе слово: к утру твоя голова будет висеть на позорном столбе, так как молчать мы больше не будем, – прошипела я. По моим рукам промчалось золотистое сияние, исцеляя мою рану. Мои слова немного испугали евнуха, но своих позиций он не сдал.

– Все вы поначалу такие, а потом присмиреешь. Дамы, завтрак окончен, все в класс, – вновь в приказном тоне произнес евнух. Мина взяла меня за руку, уводя в сторону узкого коридора.

– Зря ты с ним так, он крайне мстительный, – сказала девушка шепотом, я лишь гордо вскинула голову.

– Посмотрим, кто кого, – произнесла я, заходя в класс.

К вечеру я еле волокла ноги... За этот день я выучила слова «неправильно» и «нельзя» на всех языках мира. Вам когда-нибудь говорили, что вы неправильно сидите, говорите, смотрите... даже дышите неправильно? Сегодня я слышала это постоянно.

– Боже, как господин купил такую пустоголовую женщину, как ты? – произнес евнух, показывая на листке результат моего дня. Я провалилась по каждому пункту, однако я лишь фыркнула, возвращаясь в свою комнату, где, лежа на диванчике, меня ожидал Тимофей.

– Как день прошел? – спросил он, однако я лишь рухнула на кровать, желая уснуть. Так прошла целая неделя до радостного известия.

– Господин Тамал прибывает завтра, – возвестил с утра радостный евнух.

Тамал был как в воду опущен, вместо похвалы за практически подписанное соглашение его едва не казнили, а все из-за покупки проклятой северной ведьмы. Теперь у него было лишь три выхода: или девушка станет женой посла, или сделать девушку своей четвертой женой, и был последний вариант – лишиться поста визиря за нарушение закона. Загвоздка была лишь в том, что выбор должна была сделать девушка сама, добровольно, назвав одного из мужчин своим мужем. Но больше всего он корил себя за то, что не убил нечестного на руку торговца, как только узнал его имя.

Его настроение разделял и сам посол, беседа с Айше вернула его на бrenную землю, напомнив о фундаментальных основах их общества и уклада.

«Ваш народ проповедует равенство рас и сословий, уважение к чужой жизни, осуждая нас как варваров, но, пробыв три дня в нашей стране, вы купили себе наложницу, не для возвращения девушки на родину и дарования свободы, а для своих низменных желаний. Не так уж вы и далеки от нас, господин посол, возможно, наши народы смогут договориться и стать партнерами. Посему выношу свою волю: как вы последовали нашим законам, так и мы последуем вашим. Девушка может стать вашей, но только в качестве законной жены, выйдя за вас замуж добровольно и согласно вашим обычаям и законам. В ином случае вы будете изгнаны из страны без возможности вернуться, а о содеянном будет напрямую доложено вашему королю», – эти слова так и вертелись в голове мужчины.

Теперь их жизни зависели от решения девушки, которая выходить замуж вовсе не собиралась, а мужчин презирала как данность. Айше лично объявила постановление султана Назира мне и Зареме, так как слухи о покупке дочери Севера заграничным послом и визирем Тамалом дошли и до него. На удивление Зарема обрадовалась возможности появления в гареме новой жены, но я этого оптимизма не разделяла.

– А есть вариант, по которому я останусь свободной? – спросила я, смотря на спавшую с лица Айше. Женщина под села ко мне, положив руку на мои.

– К сожалению, нет, моя дорогая. Тебе придется выбрать. Султан ждет твоего решения до конца месяца, это единственное, чего я смогла добиться, – с грустью сказала Айше. Она до последнего пыталась спасти несчастную девушку от собственной участи, но против воли мужа она ничего не могла сделать. Я считала, что у меня еще много времени. Я еще никогда так не ошибалась.

Все время до прибытия в замок Тамала мужчины провели молча, даже не смотря друг на друга. Выходя из кареты, Тамал слабо обмолвился:

– Девушка должна сделать выбор до конца недели. Посему один день с ней провожу я, второй – ты, третий мы проводим вместе. Надеюсь, не стоит напоминать, что магию и любовные зелья использовать запрещено? – сказал мужчина, объявляя о начале своеобразного соревнования.

9

Утро выдалось сумбурным, если не говорить о том, что я узнала, что на все про все у меня неделя. На завтрак вошел бледный как смерть евнух-садист.

– Господин Тамал желает Вас видеть в восточном саду. – Это событие взбудоражило наложниц, в чьих глазах загорелся огонь, ведь они помнили обещание девушки доложить визирю об издевательствах мужчины.

Я уже была готова выйти, но мой наряд сочли неуместным для встречи с хозяином дома. Наложницы расстарались на славу, украшая меня словно невесту, прожигая глазами евнуха, даже одолжили свои украшения и одежду, так как мою отобрали.

– Вот она, женская солидарность, бойся... Не сносить тебе головы, – с усмешкой сказала Зарема, подойдя к евнуху со спины, после чего подошла ко мне. – Кто еще за кем охотится... Ой, лиса... – с улыбкой сказала Зарема, накидывая на меня аккуратную паранджу, меняя ее цвет на белый. После чего двери отворились, возле меня уже стоял Тимофей.

– Я тебя одну с этим типом не оставлю, – произнес фамилляр, пока меня в компании стражи сопровождали в сторону сада. Несмотря на то что замок находился в пустыне, зелени внутри было по-настоящему много: от пальм до диковинных роз.

Восточный сад делился на аккуратные зоны при помощи аллей, все буквально утопало в зелени. В тени раскидистой вишни сидел мужчина. Несмотря на погоду, он был одет очень тепло, хотя, помня историю, все жители пустыни носили по несколько слоев одежды. На его голове был тюрбан, он увлеченно изучал одну из книг, лежавших на лавке, игнорируя меня. Чтобы хоть чем-то себя занять, я решила прогуляться. На улице было жарко, а из-за обилия украшений и лишней одежды я буквально задыхалась. Вскоре мое терпение закончилось.

– Что хоть пишут? – спросила я, скидывая с себя металлические побрякушки с паранджой, заходя в прохладный водоем. Данное поведение девушки отвлекло визиря от тяжелых мыслей.

– Тебе это вряд ли будет интересно, – сказал мужчина, смотря на золотые украшения, которые он дарил своим наложницам. Фигура девушки привлекала мужчину, но не более чем остальные женщины из его гарема.

– Я больше месяца сидела в корзине величиной с лист пальмы в полной темноте, а в твоём гареме от тоски умереть можно, если старший евнух не справится с этой задачей раньше – он настоящий садист. Так что мне интересно все, – сказала я, дергая ногами, поднимая веер брызг.

– Ладно, буду читать вслух, если не будешь мешать, – сказал Тамал, вновь вернувшись к своим бумажкам. – Адеронские купцы вновь завывают цены на свои товары, кенийские торговцы задержали поставку пшеницы... А я должен найти на них управу, так как нашему государству они не подчиняются, а значит, закон для них не писан. Я же говорил – скука смертная. – Я откинулась назад, встретившись взглядом с визирем.

– Господи, чего тут сложного. Составляешь договор, где прописывается все – от сроков поставки до размера оплаты, оплата только по факту получения, нарушение сроков – штраф. Оплата товара или услуги в двукратном размере с лишением лицензии на торговлю, и нечего с ними цацкаться. Одни откажут – найдешь тех, кто согласится, на них свет клином не сошелся. А для привлечения клиентов понизьте для новичков налоги на два года, пусть обоснуются на рынке, научатся торговать, узнают правила игры, тогда и берите с них по полной, как и со всех. Торговцы – неглупые люди, рано или поздно поймут эту уловку, но с насиженного места никто не захочет уйти, – сказала я, падая в зеленую траву, загорая на солнце, по которому уже успела соскучиться.

Тем временем Тамал пораженно смотрел на молодую девушку, судорожно записывая ее слова на полях документа. Идея была весьма неплохая. Он отложил документ в сторону, зачи-

тывая следующую бумагу, затем еще одну и еще. Эрудиция и деловая хватка девушки поражали его все больше и больше, он был готов провести так весь день, пока не услышал львиный рев.

– Ну, все, ты ее утомил, она уснула, тоже мне Ромео, блин. Кто так за девушками ухаживает? – лев упорно отчитывал горе-визиря за беспечность, так как девушка довольно сильно обгорела на солнце. Визирь слушать ругань животного не хотел, посему наложил на него заклятие немоты. Поднимая спящую девушку, он понес ее в сторону своих покоев. Укладывая девушку на кровать, он заметил еле заметный след исцеляющего заклинания на ее запястье и иллюзию в районе спины.

– Откуда у нее рана? – спросил визирь у льва, который залез на кровать возле своей хозяйки, тогда мужчина развеял иллюзию. Увиденное повергло его в шок: вся спина девушки была исполосована розгами, именно так ее покарал старший евнух за публичное унижение. Зарема и девушки пытались ее излечить, но следы остались.

Он помнил абсолютно счастливое лицо девушки, которая лежала на земле под солнцем, как она, словно ребенок, бегала по воде. Он даже не вслушивался в ее слова, ведь она изливала ему душу, ища защиту, что ударило по его чести и гордости. Его будущую жену избили в его собственном доме, и оставлять это без внимания он не собирался. Визирь резко отворил двери, едва не сорвав их с петель, перепугав стражу.

– Приведите эльфа-целителя, за ее здоровье отвечаете головой! – крикнул Тамал, врываясь в гарем. Девушки поспешили разбежаться, однако их буквально выкинуло из их спален. Внешний вид господина пугал наложниц до смерти.

– Кто это сделал?! Кто посмел понять руку на мою будущую жену?! – по холлу переливались громовые раскаты. Его взгляд поднялся на верхний этаж, где неподвижно стояла Зарема, возле ее горла был клинок, который держал старший евнух, в его глазах буквально читалось безумие.

– Проклятые северные ведьмы не умеют держать рот на замке! Но я заставлю их подчиняться, господин. Молчаливая жена – украшение дома! – Все произошло мгновенно: обезумевший от скорой расправы евнух перерезал Зареме горло, горем сотряс пронзительный крик наложниц. Тамал тут же убил евнуха, пытаясь спасти свою любимую женщину, однако магия не помогала – раны не стягивались. Зарема взяла мужа за руку, притягивая к себе.

– Отпусти ее... на... волю... Прощай, лю... люби... мый, – прохрипела женщина, умирая, ее кожа начала белеть. Тамал взвыл от собственного бессилия, по его щекам текли слезы, он потерял ее навсегда. Она всегда была рядом и поддерживала его, несмотря ни на что, прощая все, никогда не перечала. Его любовь к ней уже давно угасла, но не ее. Она его любила, как и тогда, много лет назад, бережно заботясь и охраняя его покой.

Услышав крики, я мгновенно сорвалась с места, застав момент, как Тамал склонился над телом мертвой Заремы.

– Нет... так нельзя... так не может быть, – произнесла я, падая на колени. За несколько дней женщина стала для меня настоящим другом, и ее потеря сильно ранила меня, слезы застилали глаза.

– Тима... скажи, что я могу что-нибудь сделать... скажи как... какое заклинание... скажи... я верну ее! – белугой выла я, дёргая фамильяра, который смотрел на меня с искренней горечью, стойчески терпя все. Тамал отошел от тела Заремы, давая слугам начать подготовку к захоронению. Проходя мимо меня, мужчина положил свою руку на мою голову, усыпляя меня, однако я продолжала реветь даже во сне.

– Ты знала ее лучше, чем я, – произнес Тамал, унося девушку из гарема. По пути его встретил посол, который тоже спешил на шум, однако в гарем его не пустили.

– Куда ты идешь? Мы же договорились, – начал было посол, однако, встретившись с суровым лицом визиря, тут же замолчал.

– Я уже сделал выбор, и за него я буду нести последствия. Пари аннулировано, вы можете спокойно вернуться в свою страну. Преследования не будет, договоры также подписаны, но без нее. Ее вы не получите, – сказал визирь, заходя в свои покои, даже в такой ситуации не теряя лица.

Новость об убийстве старшей жены визиря настигла посла уже в родном городе. Султан сдержал слово, и его проступок остался в тайне, сохранив его чин. Но повышение по службе или премия не могли его успокоить. Мысль о незнакомке, которую он встретил во время командировки, как и та рабыня с базара, никак не отпускали его. Если рабыню, скорее всего, визирь уже сделал своей женой, то упустить другую он не мог, посему он выпросил у царя внеочередной отпуск в параллельном измерении.

– Если бы не твои заслуги и наконец-то подписанный договор о мире с этими дикарями, то послал бы тебя державный Павлуша... к чертовой матери, а не в отпуск. Так еще и в Москве, – сказал один из его друзей, работающий в канцелярии, выдавая пропуск для перехода.

– Да будет тебе, Леха. Будет и на твоей улице праздник. Может, чего захватить? – спросил Павел, широко улыбаясь, выхватывая пропуск из рук друга.

– Давай, только не так, как в прошлый раз, – сказал Леха, заканчивая оформление документов. Окрыленный юноша спешил подготовиться к поездке, буквально выбегая из департамента.

– Эх, что с людьми любовь делает... На свадьбу хоть пригласи, – смеясь, сказал Алексей, вернувшись к своим непосредственным обязанностям.

В это время в порт Адерона прибыл неприметный корабль. Капитан корабля недовольно вел девушку в сторону здания магической академии, следом за ней шел эльф в компании оборотня, таща тяжелые сундуки и тюки с вещами. Горожане и студенты академии удивленно обращались на загорелых людей, поскольку в их краях уже началась зима. Подойдя к административному зданию, капитан остановился, не решаясь войти, однако их уже давно ждали.

Их встречал ректор магической академии лично, он был немногословен.

– Это те самые студенты, о которых писал Его Высочество Назир? – спросил он, смотря на перепуганного капитана.

– Да, – произнес фамильяр, которому новый климат подходил больше. Архимаг удовлетворенно кивнул, пока копошащийся капитан передавал документы абитуриентов. Мужчина осмотрел содержимое самого большого сундука, после чего открыл следующие два.

– Обучение оплачено в полном объеме, студенты доставлены, можете быть свободны, – сказал архимаг, закрывая большой сундук, который тут же исчез. Примерно с такой же скоростью исчез и капитан судна, на котором мы сюда прибыли.

Перед отправлением в академию мне устроили настоящий экзамен на прочность. Тамал до последнего момента отстаивал мое право на свободу в память о погибшей жене. В этом его поддерживала и Айше, однако султан не хотел их слушать. Тогда жена султана пошла на хитрость, вспомнив про древний обычай, а именно, три королевских испытания, которые я с успехом прошла.

Окончание академии было главным условием нашего освобождения, точнее, это было условием Тамала. После похорон Заремы он вызвал меня к себе на серьезный разговор. Когда

я зашла в кабинет, меня встретил знакомый эльф и оборотень, которые по непонятной для меня причине служили у Тамала наемниками.

– Ты весьма умна и образованна для обычной рабыни или наложницы. У тебя пытливым ум настоящего ученого. Я исполню последнюю волю Заремы и дарую тебе свободу, но при условии, что ты завершишь обучение в академии магических искусств. До тех пор ты будешь моей невестой, таково решение султана. Если обучение будет тебе в тягость или ты захочешь сбежать, ты вернешься в гарем в качестве моей третьей жены, – сказал мужчина, надевая на мою руку золотой браслет, который змеей оплел её. – Это символ нашей сделки, а также символ нашей помолвки. До окончания обучения ты, как и твои люди, принадлежишь мне. Измен я не потерплю, – сказал мужчина, в это время змея на браслете ожила, показывая зубы.

– Я поняла, – сказала я, моя душа буквально ликовала от радости... Это был первый шаг к моей свободе.

Но, когда я попала в застенки академии, мой энтузиазм начал быстро угасать. Тот факт, что с первого дня от тебя требуют академических знаний, в то время как ты не знаешь даже элементарных основ, удручал. По прошествии недели я уже была морально готова к возвращению обратно в гарем. К моему удивлению, помощь пришла откуда не ждали.

Ректор академии вызвал меня на откровенный разговор в свой кабинет, поскольку быть участником подковерных войн он не желал, понимая, что дело здесь явно нечисто, пришлось сознаться, сознаться во всем. Выслушав мой рассказ от начала до конца, ректор внимательно посмотрел на меня. Взор пожилого старца несколько смягчился, наполняясь какой-то отеческой заботой.

– Ничего, дочка, прорвемся. Северные ведьмы еще никогда не сдавались так просто, я тебе это как сибиряк говорю. Знаешь, я переведу тебя и твоих друзей на первый курс, добавим подготовительные уроки, книжки и программу тебе выдадут, а дальше уже сама. Да, обучение будет дольше, а не два года, как до этого, но зато выйдешь уже свободной женщиной, – сказал старец, поправляя пышную бороду.

Его слова как никогда вселили в меня надежду, которая практически погасла. Мы были посмешищем среди первокурсников, которым было от силы двенадцать лет, поскольку у нас не было магического образования, но нам было на это плевать. Мы жаждали знаний, беря втрое больше заданий, чем остальные, порой не спали по несколько дней. Леголас (так я нарекла эльфа вместо позорного Динара) стал обучать меня грамоте и языкам, а Джек (так я назвала оборотня) обучал меня травам и физической подготовке. Эти полгода не только сплотили нас, но и сделали настоящей командой.

10

Мы всегда стояли особняком, избегая лишнего внимания, нам было хорошо в нашей уютной компании, а изнеженные отпрыски благородных семей нас раздражали. И дело было даже не в том, как они нас называли, и их мелких шалостях, а во взглядах: каждый из них презирал нас как данность, словно мы были грязью у них под ногами.

Начались долгожданные для студентов зимние каникулы, у первого курса они были почти два месяца, но, несмотря на это, мы решили не искушать судьбу и остались в академии. Денег у нас не было, посему в город мы не выходили, проводя свободное время, ходя на лекции старших курсов, что не возбранялось, так как каникулы у них начинались позже. На удивление аудитории всегда были битком.

После обеда мы отправлялись на крытый полигон, чтобы Джек разминался: постоянное нахождение в облике человека утомляло оборотня, так как в ямах он привык быть зверем.

– Лучше бы ты ее из лука стрелять научил, чем своим мудреным словечкам на мертвых языках, больше пригодится, – сказал Джек, тренируясь на спортивной площадке, попутно меняя ипостаси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.